

МИР народов

mirnarodov.ru

Серия: Наука и практика

№ 1 (6) – январь 2018

Электронный журнал
Мир народов. Серия: Наука и практика

№ 1 (6) — январь 2018 г.

Журнал ориентирован на широкий круг ученых, специалистов-практиков, студентов, магистрантов и преподавателей, участвующих в научно-исследовательской работе.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редакционного совета, а также привлеченными редакцией экспертами.

Главный редактор журнала — **Борис Владимирович Космач**,
директор Региональной общественной организации «Чистый Крым».

Журнал основан в июне 2016 года.

Статьи журнала индексируются в Гугл Академии (GoogleScholar) и размещаются в Научной электронной библиотеке elibrary.ru, номер договора 358-09/2017 от 06.09.2017 — <https://elibrary.ru/contents.asp?titleid=64810>

ISSN 2522-9494

Издатель: ООО «Чистый Крым».

Место издания: Ялта, Республика Крым.

Выпуски журнала размещаются на сайте <http://mirnarodov.ru>

E-mail научной редакции: nauka@mirnarodov.ru

Тел. +7 (978) 098-64-30, +7 (978) 949-54-69

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Учредитель – ООО «МИРТ», свидетельство о регистрации: ЭЛ № ФС 77 - 66126 от 20.06.2016 (СМИ — «сетевое издание»).

При оформлении обложки использована работа с ресурса pixabay.com по публичной лицензии «Creative commons CC0» («Общественное достояние»).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бекирова Эльмира Шевкетовна — кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой истории, краеведения и методики преподавания истории Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» в г. Ялта

Бекиров Сервер Нариманович — кандидат политических наук, доцент, кафедра философии и социальных наук Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» в г. Ялта

Береснев Андрей Анатольевич — кандидат педагогических наук, доцент, директор Института филологии, истории и искусств Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» в г. Ялта

Вишневский Владимир Анатольевич — кандидат педагогических наук, доцент, кафедра педагогики и управления учебными заведениями, председатель Совета молодых ученых Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» в г. Ялта

Вишневский Сергей Анатольевич — кандидат педагогических наук, доцент, кафедра истории, краеведения и методики преподавания истории Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» в г. Ялта

Матюнина Марина Викторовна — кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и туристического бизнеса Института экономики и управления гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»

Новиченкова Наталья Георгиевна — кандидат исторических наук, доцент, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» в г. Ялта

Одаренко Татьяна Евгеньевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и туристического бизнеса Института экономики и управления Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» в г. Ялта

Пономарева Екатерина Валериевна — кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранной филологии и методики преподавания Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» в г. Ялта

Попов Максим Николаевич — кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой здоровья и реабилитации Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» в г. Ялта

Разбеглова Татьяна Павловна — кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии и социальных наук Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» в г. Ялта

Рындач Марина Алексеевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и туристического бизнеса, руководитель образовательной программы направления подготовки «Туризм» Института экономики и управления гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»

Гуменюк Андрей Юрьевич — младший научный сотрудник Алупкинского дворцово-паркового музея-заповедника дворец-музей Александра III в Массандре

Содержание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Адолина Л. В., Рома В. В.**
Концепт «Крымская война» в романе-эпопее С. Сергеева-Ценского
«Севастопольская страда» 4
- Полищук К. В.**
Использование лексики при описании погодных явлений в романе Эмили Бронте
«Грозовой перевал» 12
- Леско Е. С.**
Изучение заимствованной лексики в произведениях Оскара Уайльда 15
- Пикалова К. С.**
Лингвопоэтический анализ рождественских английских песен 18

ПОЛИТОЛОГИЯ

- Кондрашов С. В.**
Сравнение политических систем Платона и Аристотеля 25

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Кондрашов С. В.**
Использование комиксов для продвижения интереса к чтению в школе 22

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- Кондрашов С. В.**
Сравнение египетских походов Александра Македонского и Наполеона Бонапарта 28

ДОПОЛНИТЕЛЬНО

- Авторам – информация о публикации 31

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК: 811.111

Адолина Л. В.

кандидат филологических наук, доцент кафедры «Журналистика и славянская филология» Гуманитарно-педагогического института Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Севастопольский государственный университет»

Рома В. В.

студент Гуманитарно-педагогического института Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Севастопольский государственный университет»

КОНЦЕПТ «КРЫМСКАЯ ВОЙНА» В РОМАНЕ-ЭПОПЕЕ С. СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО «СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ СТРАДА»

В статье рассматривается языковая объективация концепта «Крымская война» как экспонента русского языкового сознания периода Крымской (Восточной) войны в романе-эпопее С. Сергеева-Ценского «Севастопольская страда».

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, концепт, русское языковое сознание.

Adonina L.V.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of «Journalism and Slavic Philology» department in Humanities Pedagogical Institute of Federal state educational institution of higher education «Sevastopol National University»

Roma V.V.

student of Humanities Pedagogical Institute of Federal state educational institution of higher education «Sevastopol National University»

THE CONCEPT OF «CRIMEAN WAR» IN THE EPIC NOVEL OF S. SERGEEV-TSENSKII «SEVASTOPOL STRADA»

Abstract. *The article discusses the concept of linguistic objectification «Crimean War» as a Russian language consciousness the exhibitor during the Crimean (Eastern) War epic novel by S. Sergeev-Tsensky «Sevastopol Strada».*

Keywords: *cognitive linguistics, cultural linguistics, concept, Russian language consciousness.*

Актуальность данной работы исходит из исследования форм экспликации информации о Крымской войне в языке как элементе целостного этнического самосознания русских; обуславливается необходимостью исследования русской языковой личности эпохи Крымской войны, а также содержания и структуры композитивного концепта «Крымская война» как экспонента русского языкового сознания писателей.

Эпоха Крымской, или Восточной войны 1853–1856 гг. — одно из крупнейших событий европейской истории середины XIX века. События Крымской войны и

последовавшие вслед за ней реформы стали переломным моментом в истории Российской империи. Повлияли они и на общественное сознание, кардинально изменив лингвокультурную ситуацию в России. За годы войны в русском обществе произошла переоценка ценностей. Крымская война затронула интересы широких слоев русского общества, но в большей мере ее результаты взволновали представителей придворно-бюрократических кругов. Для многих из них поражение России в войне означало крушение николаевской системы, которую они создавали совместно с императором и которой верно служили.

Языковая картина мира содержит реалии, связанные с Крымской войной, которые отражают ее восприятие писателями, поэтами, общественными и государственными деятелями второй половины XIX в., о причинах начала войны и поражения русской армии, о влиянии этих событий на существующий режим и на проводимую николаевской Россией внешнюю политику.

Русское языковое сознание второй половины XIX в. характеризуется социальной неоднородностью [5], что проявляется в разнонаправленных оценках Крымской войны: оснований для ее начала, причин поражения России, а также мнений о заключении мира и влиянии войны на внешнюю и внутреннюю политику страны. «Война» — сложный концепт, актуальность изучения которого объясняется целым рядом причин. В первую очередь тем, что в России, история которой полна война и конфликтов, война как общественно-историческое событие выпадает на долю практически любого поколения россиян. В концепте «Крымская война» как фрагменте русского языкового сознания второй половины XIX в. не только аккумулируется информация, связанная с военными действиями, которые вела Российская Империя в Крыму, но и определяется самобытность русского народа, его мировоззрение.

В общем историко-политическом контексте Крымская кампания 1853–1856 годов, частью которой явилась знаменитая оборона Севастополя, была войной России против широкой коалиции (Великобритания, Франция, Турция, Сардинское королевство) за жизненно важные интересы в районе Черного моря, позиции на Балканах и в Закавказье. Объективно оборонительный со стороны России характер Крымской войны приходил в противоречие с реакционным уже на тот момент содержанием николаевской монархии. Это противоречие нашло отражение в эпосе С. Н. Сергеева-Ценского «Севастопольская страда», где, с одной стороны, изображены прогрессивные военачальники и передовое офицерство, широкая масса патриотически настроенных солдат, матросов и простых горожан, а с другой — косные реакционеры: крепостники-помещики, генералы и министры, сам монарх — «тиран в ботфортах» (А. Герцен). Свою художественную задачу Сергеев-Ценский видел в том, чтобы «из имени сделать образ». Начиная повествование романа с описания бала при дворе, писатель вводит большое количество исторических личностей: Меншикова, Корнилова, Нахимова, многих европейских и российских политиков.

Эталонным в русском языковом сознании эпохи Крымской войны является образ Петра Первого, государя, с именем которого связывается безопасность русских границ. Историческое предназначение многих российских монархов мерялось сопоставлением именно с этой исторической фигурой. Так, **Николай I** — «великолепный фронтовик, огромного, свыше чем двухметрового, роста, длинноногий и длиннорукий, с весьма объемистой грудной клеткой, с крупным волевым подбородком, римским носом и большими навязат глазами, <...> император Николай I перенял от своего отца маниакальную любовь к военному строю, к ярким раззолоченным мундирам, к белым пышным султанам на сверкающих, начищенных толченым кирпичом, медных киверах; к сложным экзерцициям на Марсовом поле; к торжественным, как оперные постановки, смотрам и парадам; к многодневным маневрам, хотя и совершенно бесцельным и очень утомительным для солдата, но радовавшим его сердце картинной стройностью бравой пехоты, вымуштрованной кавалерии и уверенной в себе артиллерии — тяжелой, легкой,

пешей и конной... » [4]. Но «колоссального роста и могучего голоса оказалось далеко не достаточно, чтобы стать вторым Петром. Не помогли Николаю и огромная трудоспособность и память, если и отнюдь не „незлобная“, то все же, по общим отзывам современников, выдающаяся» [Там же]. В «Севастопольской страде» образ царя не статичен. Вначале это властитель, убежденный в победоносной мощи крепостнического государства; затем человек, осознавший катастрофичность случившегося, сломленный, готовый к уходу из жизни. Но постоянно в образе самодержца видна отсталость в управлении государством, и как вершина социальной пирамиды он распространяет и на других рутинную помещичью психологию. Таков главнокомандующий русскими войсками в Крыму князь **Александр Сергеевич Меншиков**.

Это отважный воин, образованнейший человек своего времени, способнейший дипломат, непримиримый враг аракчеевщины, его ум, созданный «для того, чтобы кусаться», в годы правления Александра I настроило монарха против него. Но восстановленный за прежние заслуги на службу в царствование Николая I, Меншиков уже другой человек: из прогрессиста, реформировавшего русский флот, он превращается в главное препятствие каких-либо передовых начинаний. В оценке новых идей и всей политической обстановки он пренебрежительно недоверчив и близорук. Однако именно степень перерождения храброго и инициативного воина в рутинера-крепостника меряется рост служебного положения Меншикова. Но в романе Сергеев-Ценский показан и рост манкирования князя относительно солдат и матросов, оставляемых на поле брани, бросаемых, по словам хирурга Пирогова, «как собак, чуть только они ранены» [4]. В этом он поразительно похож на Николая I, главнокомандующего, удивлявшего своих министров, вынося «часто решения, совершенно неожиданные для них по своей непродуманности, зато самостоятельные и без задержек» [4].

При этом в романе с выдающимся мастерством воссозданы образы выдающихся флотоводцев. Боевой генерал **Горчаков** — «участник многих сражений, и на его опытность возлагал большие надежды Меншиков в случае, если б действительно англо-турко-французы вздумали когда-нибудь впоследствии, ради демонстрации, высадиться в Крыму» [4]. «Два Аякса флота» — вице-адмиралы **Корнилов** и **Нахимов** — «мозг и сердце флота» [4]. **Корнилов** — «человек увлекающийся, испытанной личной храбрости в морских боях, очень хорошо знавший морское дело...» [4]. И главной определяющей силой в романе, закономерно разделявшей героев эпопеи на два непримиримых лагеря, является народ. Слово «страда», употребленное Сергеевым-Ценским в названии его произведения, как обозначение рабочей поры для земледельца, символизирует ратный подвиг простых крестьян (пластуна Василия Чумаченко (он же крепостной Терентий Чернобровкин), Петра Кошки, сибиряка-енисейца Матвея Шелкунова и т. д.), мечтавших о подвигах, но честно выполнявших воинский труд-страду.

Образный состав концепта «Крымская война» включает в себя антропоморфные образы, связанные с именами европейских политиков (Г. Д. Палмерстон, Луи-Наполеон, Наполеон I), турецких политиков (султан Абдул-Меджид I), российских политиков (Петр I, Николай), врагов (французов, англичан, турков, басурман), защитников отечества (богатыри, дружины славы, сестры Крестовоздвиженской общины, Суворов, Горчаков, Лидере, Шильдер, Ушаков, Соймонов).

В образном компоненте «Крымская война» выделяются когнитивные признаки «**французы**» и «**русские**». Антропоним **Луи-Наполеон** заменен существительным француз, указывающим на национальную принадлежность политика. Наблюдается семантическое сближение понятий «враг» и «француз», которое восходит к Отечественной войне 1812 года, когда образ врага слился воедино с образом француза. Образ русских же собирателен, передается через характерные слова: «мы», «семья», «орлиное гнездо», символизирующих главную силу русских — их единство. В целом, дробному образу **врага** России противостоит целостный образ **защитников России**. Это определяет антонимичность русского языкового

сознания эпохи Крымской войны: то, что связано с Россией, русскими имеет положительную коннотацию, а то, что ассоциируется с союзниками, — отрицательную. Поэтому подобными когнитивными признаками в концепте «Крымская война» наделены и понятия «**русские**» и «**европейцы**» — противопоставленных друг другу духовных антиподов.

Эмоционально насыщенными в концептуальном поле эпопеи Сергеева-Ценского являются **женские образы**. Женщина в русском языковом сознании эпохи Крымской войны не только сохраняет значение «сестра», «мать», но и приобретает новое — «защитница Отечества». Так, весьма ярко эксплицирован образ сестер Крестовоздвиженской общины, в качестве младшего медицинского персонала оказывавших помощь медикам в организации помощи раненым и больным: «Стремившиеся оказать какую-нибудь помощь жертвам особой заботливости высшего начальства сестры милосердия и врачи становились около них на колени в лужи, в грязь, а жертвы эти — посинелые, полуживые — безостановочно стучали зубами, безудержно трясясь...» [4].

Центральное место в концепте «Крымская война» занимает **образ-символ России**. Он метафоричен: «...на Корниловском бастионе, основной твердыне Севастополя, сидела прямо против него на смолистых краснокорых сосновых русских бревнах как будто вся целиком простонародная Россия, грубоватая, правда, но не зря же старавшаяся на протяжении многих веков пошире и покрепче удержаться на земле...» [4]. Компонент-концепт «Россия» в «Севастопольской страде» представлен двумя образами: Россия крепостническая, самодержавная и Россия народная. С большой любовью, с проникновением в психологию и внутренний мир героев обрисованы медсестра Даша Севастопольская, матрос Кошка, талантливые и преданные России, отстаивающие ее честь и достоинство Корнилов, Нахимов, Тотлебен. Сергеев-Ценский не ограничивает себя изображением только города основного противостояния Севастополя: в его эпопее представлена вся Россия — Петербург, Москва, провинция, деревня: «Но в этих двух коротких словечках таился какой-то отдаленно глубокий, нутряной смысл, точно вся огромная родина защитников Севастополя — Россия — говорила устами сестры с передовой позиции — ключа Севастополя» [4].

Контрастирующими по коннотации выявляются образы **Россия — Европа (Англия, Франция) — Турция**. В концептуальном поле «Крымская война» образ Англии противопоставлен образу России. Более того, русское языковое сознание отмечает мощь России, способной вопреки представлению о превосходстве англичан и отсталости флота Российской империи, отбить врага: «И Англия, бывшая до того с Францией в отношениях, близких к войне, протянула ей руку для борьбы с „нарушителем европейского равновесия“ — царем Николаем» [4]. Русское оружие в русском языковом сознании эпохи Крымской войны символизирует военные успехи, тогда как оружие противников, напротив, — неспособность противостоять русским. В руках русских даже трехгранная кочерга превращается в оружие, способное нанести противнику поражение.

Топонимы **Москва, Париж** для русской лингвокультуры середины XIX века значимы, поскольку знаменуют две столицы противоборствующих стран. **Город** по своей природе символизирует защищенность — это убежище от врагов: «За кулисами театра военных действий — в Лондоне, Париже и Вене — ткалась в апреле сложная и хитрая дипломатическая паутина, в которую политики Англии и Франции непременно хотели окончательно запутать Франца-Иосифа и добиться от него объявления войны России» [4].

Понятийный компонент композитивного концепта «Крымская война» является сложным образованием. В него входят группы когнитивных признаков компонент-концептов, семантические пространства которых совпадают с концептом «Крымская война» [3]. Так, например, когнитивный признак «**время**» представлен лексемами «бывало», «теперь». Время в образном компоненте концепта «Крымская война» лишено конкретики. Оно актуализировано семой «эпоха, период в жизни человечества, народа, государства, общества» [1].

Рассмотрим конкретнее ряд наиболее репрезентативных компонентов исследуемого

концепта и лексических средств, использованных Сергеевым-Ценским для его раскрытия в эпосе «Севастопольская страда».

Итак, компонент-концепт **«мир»** в русской языковой картине мира противопоставляется концепту «война». Это связано с тем, что лексемами-номинантами данных концептов являются антонимы *мир* — *война*. В компонент-компоненте «мир» актуализировано всего два значения слова мир: «страны не воюют, они живут в мире» и «мирный договор между бывшими противниками в войне». Понятийная зона компонент-концепта «мир» представлена когнитивным признаком «поражение»: поражение русской армии, который отражает отношение общественности к подписанию мирного договора как поражению в Крымской войне; и когнитивным признаком «победители», номинированном такими лексемами, как страны-победительницы, Франция, Англия, Турция, Сардиния.

Компонент-концепт **«политика»**. Интерпретационная зона этого компонента содержит когнитивные признаки, отображающие слабость политической системы Российской империи. Русское языковое сознание XIX в. фиксирует ответственность самого народа за тех политиков, которые определяют векторы развития страны. Когнитивные признаки таковы: «(всегда) виноват народ» и «предательство своего народа».

Особую роль в компонент-концепте «политика» играют когнитивные признаки, характеризующие ближайшее окружение императора. В русском языке запечатлелось двойное отношение к князьям Горчакову и Меншикову. С одной стороны, Горчаков предстает как истинный патриот страны, а с другой стороны, указывается на его недалекость и даже глупость. Когнитивный признак «необдуманные решения» актуализирует в концепте информацию, связанную с интеллектуальными способностями князя Горчакова. В Александре Михайловиче Горчакове и его ближайшем окружении общественность видит изменников. Подобное отношение наблюдается и к Меншикову. Признак — «измена политиков».

Неудачи России в Крымской войне связаны с неумелым руководством империей. Признак — «плохие политики»: «Все знали, что Севастополь хорошо укреплен с моря, но все видели также и то, что он почти совершенно открыт с суши: по линии в семь верст расположено было всего полтора десятка мелких орудий. Все знали, что было время укрепить как следует подступы с суши, и все видели, что Меншиков не только сам не делал никаких распоряжений на этот счет, но даже изумлялся, когда ему говорили об этом другие» [4].

В русском языковом сознании второй половины XIX в. компонент-концепт «Политика» представлен двумя смысловыми блоками — «внутренняя политика» и «внешняя политика». Лексемы, относящиеся к блоку внутренняя политика, отражают основной внутривнутриполитический курс государства, основные направления его деятельности.

Существенный фрагмент сложной ментальной единицы «Крымская война» представлен информацией, связанной с верой в Бога, его помощью в войне и отношением противника к православным святыням. Компонент-концепт **«вера»** в концепте «Крымская война» актуализирован ключевыми лексемами, значимыми для русской лингвокультуры любого исторического периода, — вера, Бог, церковь. В период Крымской войны они приобретают первостепенное значение, так как война 1853–1856 годов шла для русских под знаком Христа. Участие Российской империи в Крымской войне воспринимается как выполнение Божьего предначертания. Когнитивный признак «воля бога». Война — испытание, посланное православным Богом для укрепления русских в их вере. Когнитивный признак — «укрепляет людей». Когнитивный признак «обращение к богу» раскрывается в молитве за обедней о победе наших войск. Как один из атрибутов веры молитва включает в себя следующие компоненты: молитва, поклон с молитвой, благодарственная молитва, молитва Богу с коленапоклонением.

В концепте отразилось то, что Крымская война — это война за православие. В структуре компонента-концепта «вера» русского языкового сознания эпохи Крымской войны присутствуют лексемы, содержащие в своем значении сему «православная»: «Кто не знает,

что у врагов наших одно из задушевнейших желаний состоит в том, ...чтобы отторгнуть здешнюю страну от состава России? Но скорее не останется во всех здешних горах камня на камне, нежели мусульманская луна заступит тут место креста Христова!.. Итак, не унывай, богоспасаемый град Севастополь, от множества и от злобы врагов, тебя обышедших, памятуя, что ты преемник не Ахтиара мусульманского, а православного Херсонеса Таврического!» [4].

На религиозную подоснову Крымской войны указывает отношение неприятеля к церковным ценностям православных. Так, ценности православного народа во время Крымской войны подвергались осквернению войсками союзников. Признак «уничтожение православных святынь».

Компонент-концепт «враг» базируется в русском языковом сознании эпохи Крымской войны главным образом на понятии «католики» как враги православия и в целом православной России. Номинантами данного компонент-концепта являются лексемы «европейцы», «русские», «французы», «англичане», «неприятели». Признак — «ведут военные действия»; когнитивный признак «грабят»: «Однако имущество их было уже в руках других хозяев, которые простую мебель ломали на дрова, более ценную отправляли на пароходы; срывали обои и распарывали матрацы, ища, не спрятаны ли где деньги и золотые вещи; платье разбирали по рукам; стенные зеркала разбивали на куски» [4].

Когнитивные признаки — «объединение против России», «подготовка к военным действиям», «военные действия», «нападают на мирных жителей», «отсутствие единства», «нарушение границ», «строят укрепления», «сдаются русским», «мерзнут». Интеллектуальные способности врага отражены в когнитивном признаке «хитрый».

Частью концепта «враг» является компонент «европейцы», его когнитивный признак — «зачинщики войны». Европейцы способны на ложь. Они предали Христа. Признак — «измена христианству»: «Вы оправдаете доверие и заботы о нас государя и генерал-адмирала и убедите врагов православия, что на бастионах Севастополя мы не забыли морского дела, а только укрепили одушевление и дисциплину, всегда украшавшие черноморских моряков» [4]. Ещё одной составляющей концепта «враг» является компонент «турки». В русской языковой картине мира содержится информация о том, что турки рассчитывали на помощь французов и англичан в войне с Российской империей. Когнитивный признак — «просьба о помощи». Негативная оценка турок имплицитно содержится в признаке «проливают русскую кровь». В русском языковом сознании при номинации турок используют лексему «мусульмане»: «Левее французов начали выстраиваться красномундирные английские полки, а еще левее их турки, очень заметные издали по своим малиновым фескам с широкими синими кистями» [4].

Компонент-концепт «воин» — один из центральных в эпопее Сергеева-Ценского. В языковом сознании русских воин предстает как защитник Родины. В лексический ряд лексем-номинантов компонент-концепта «воин» входят лексемы «воин», «защитник», «наши защитники»; «защитники России» «защитники чести России», «защитники славы России». Прилагательные храбрый, отважный, смелый, неустрашимый используются для характеристики воинов, защитников империи. Когнитивные признаки — «смелые», «решительные»: «Севастополь был слишком отрезан от остальной России того времени, чтобы моряки его не спаялись в очень дружную семью. У них было и еще одно могучее средство спайки: чувство своей явной необходимости для государства» [4]. «Это сознание своей необходимости развило в каждом моряке и чувство собственного достоинства и готовность к решению любой ответственной задачи и жертве собою» [Там же].

Когнитивный признак «военачальники» представлен именами собственными, с которыми общественность связывала военные действия. Слова генерал, генерал-майор, контр-адмирал, генерал-адъютант, генерал-лейтенант отражают воинские звания высшего командного состава, а слова командующий войсками, командующий левым флангом и прочее — воинские должности.

Воины вызывают восхищение общественности — когнитивный признак «гордость». Общество благодарно защитникам Империи — когнитивный признак «благодарность».

Накануне Крымской войны и в период проведения военных действий не были созданы надлежащие условия для оказания квалифицированной помощи пострадавшим. Для помощи раненым военнослужащим и мирным жителям были развернуты постоянные и временные госпитали, перевязочные пункты, но их количество было ограничено. Данная информация была актуализирована Компонент-концепт «раненые» следующими когнитивными признаками: «антисанитарные условия», «отсутствие перевязочного материала» [ср. 2, с. 37]: «Русские тяжело раненные дня два оставались совсем без помощи; одни из них умерли там, где легли в бою; другие нашли в себе силы кое-как добраться до деревень <...>; но большинство тех, кто мог выжить без помощи врачей, без питья и пищи два дня, было подобрано на третий день санитарями союзников, врачи наскоро делали перевязки, раненых переносили на английский пароход и отправляли, как заранее решил Раглан, в Одессу, где они прежде всего попали на три недели в карантин и только после того были устроены в лазареты» [4].

Помощь медикам оказывали добровольцы. В организации работы госпиталей принимали участие сестры милосердия Крестовоздвиженской общины. Когнитивный признак — «помощь сестер милосердия».

Компонент-концепт «дороги» представлен в концепте «Крымская война» только в интерпретационном поле. Он номинирован лексическими единицами дороженька, улица, ров, непроходимая, узкая, не мощенная. Все данные единицы содержат сему «плохие». Оценочный когнитивный признак «плохие» экспонирует практическое отсутствие дорог по всему театру военных действий [ср. 2, с. 38]: «Меншиков на устройство окружной саперной дороги в окрестностях Севастополя, дороги, которая должна была иметь очень важное значение в случае действия неприятеля с суши, ассигновал из казенных средств всего только двести рублей, а дорогу нужно было проложить в каменистом грунте и протяжением на шестьдесят верст. Инженерное ведомство, добивавшееся у Меншикова согласия на устройство саперной дороги, не могло не охладеть к ней, получив такую сумму; дорогу начали было проводить силами солдат, но скоро бросили...» [4].

Одним из ключевых компонент-концептов в сложной когнитивной структуре концепта «Крымская война» является компонент-концепт «Севастополь». Это связано с тем, что русская общественность, несмотря на широкий театр военных действий, Крымскую войну связывала с военными действиями за Севастополь с выходом к Черному морю. В номинативное поле компонент-концепта «Севастополь» входят следующие лексические единицы: Севастополь и город. Значимость Севастополя заключается в его уникальном географическом положении. Город окружен морем, расположен на границе Степного и Горного Крыма — когнитивный признак «географическое положение».

Единственным наиболее укрепленным к началу войны в Российской империи был город Севастополь — признак «хорошо укреплен». Защитники города мужественно отражали неприятеля — когнитивный признак «сдерживают осаду». Условия обороны были неимоверно трудными. Недоставало всего — людей, боеприпасов, продовольствия, медикаментов. Защитники города знали, что они обречены на смерть, но не теряли ни достоинства, ни выдержки — семантический признак «защита».

Ужасы войны не мешают человеку воспринимать прекрасное. В компонент-концепт входят также слова, отражающие непревзойденный вид Севастополя и бухт — когнитивный признак «красота»: «И тогда на Приморском бульваре, где стоял бронзовый памятник герою Черноморского флота — лейтенанту Казарскому, начиналось гулянье, и Севастополь мог показаться даже любому мизантропу самым счастливым, самым веселым городом в мире» [4].

«Севастополь по самому чину военной твердыни, предназначенной охранять весь юг Европейской России, был подчеркнута мужской город. Из сорока двух тысяч его

населения в те времена тридцать пять тысяч приходилось на войско гарнизона и матросов флота...» [4].

«По всей основной шестикилометровой бухте, которая называлась Большим рейдом, и по рукаву ее — Южной бухте — стояли картинно красивые, хотя и со свернутыми парусами, корабли, фрегаты, бриги, бригантины, корветы, яхты, тендера, транспорты, шкуны и многочисленный купеческий флот» [4].

Утрата Севастополя — утрата всей славы, всей России — признак «значение Севастополя», когнитивный признак «вызывает сожаление».

Таким образом, обобщая, отметим, что концепт «Крымская война» является сложным композитивным образованием. Образный компонент является наиболее яркой составляющей концепта. Образный состав романа «Севастопольская страда» включает единицы, содержащие значимую национально-культурную информацию и передающие через определенное образно-оценочное представление этнокультурное своеобразие мировосприятия русских эпохи Крымской войны.

В состав концепта «Крымская война» романа-эпопеи С. Сергеева-Ценского когнитивные признаки, представляющие Крымскую войну как комплексное явление, и когнитивные признаки, эксплицирующие общественно-историческое событие как производную ряда концептов: «воин», «враг», «европейцы», «Крым», «мир», «политика», «раненые», «Россия», «русские», «Севастополь» и «царь».

Изучение структуры и содержания концепта «Крымская война» представляет несомненный научный интерес, поскольку позволяет выявить признаки, присущие концепту «война» любой исторической эпохи, и универсальные концептуальные признаки, характеризующие языковой сознание определенной исторической эпохи.

Литература

1. Адонина Л. В., Моря Л. А. Речевые образы Крымской войны и Севастополя в «Севастопольских рассказах» Л. Н. Толстого // Социокультурные исследования: история и современность. Сборник научных и учебно-методических статей. — М., 2004. — С. 193–202.
2. Долгополова Л. В., Адонина Л. В. Вербализация лингвокультуры «Севастополь» в «Севастопольских письмах» Николая Пирогова // Гуманитарная парадигма. — 2017. — № 3. — С. 36–43.
3. Рамазанова Ш. Концепт «Крымская война» в русском языковом сознании второй половины XIX века : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Рамазанова Шелале; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. — М., 2012. — 217 с.
4. Сергеев-Ценский С. Н. Собрание сочинений: в 12 т. — М. : Правда, 1967.
5. Фисенко О. С. Концепт как ментальное образование // Социально-гуманитарное знание: традиции и инновации: Сборник научных статей. — Кафедра социальной работы и социального права Российского государственного социального университета. — Москва, 2015. — С. 204–206.

УДК: 372.881.111.1

Полищук К. В.

студентка 5 курса, Гуманитарно-педагогической академии (филиал)
«КФУ им. В.И. Вернадского» в г. Ялте

Научный руководитель: Ратовская С. В.

канд. филол. наук, доцент
Гуманитарно-педагогической академии (филиал)
«КФУ им. В.И. Вернадского» в г. Ялте

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛЕКСИКИ ПРИ ОПИСАНИИ ПОГОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ В РОМАНЕ ЭМИЛИ БРОНТЕ «ГРОЗОВОЙ ПЕРЕВАЛ»

В данной статье автор анализирует использование лексики при описании погодных явлений в романе Эмили Бронте «Грозовой Перевал». Подчеркивается важность аналогии между пейзажными картинками и эмоциональным состоянием героев. Обращается внимание на то, как при помощи метафор, прилагательных, эпитетов воссоздается мифологический образ природы.

Ключевые слова: Лексика, погодные явления, Грозовой Перевал.

THE USE OF LEXICON IN DESCRIBING WEATHER PHENOMENA IN THE NOVEL BY EMILY BRONTE «WUTHERING HEIGHTS»

Polishchuk K.V.

5-year student
Humanitarian-pedagogical Academy (branch)
"Crimean Federal University V. I. Vernadsky" in Yalta

Scientific adviser: Ratovskaya S.V.

candidate of philological sciences, associate Professor
Humanitarian-pedagogical Academy (branch)
"Crimean Federal University V. I. Vernadsky" in Yalta

***Abstract.** In this article, the author analyzes the use of vocabulary in describing weather phenomena in the novel «Wuthering Heights» by Emily Bronte. The author stresses the importance of the analogy between the landscape paintings and the emotional state of the characters. Draws attention to how by using metaphors, adjectives, epithets recreated the mythological image of nature.*

Keywords: Vocabulary, weather phenomena, Wuthering Heights.

Актуальность исследования. В литературе пейзаж является одним из важных компонентов художественного времени и пространства. Его главная функция — понятие идейного замысла автора через глубокое проникновение в душу героев. Исследование позволяет определить художественную ценность погодных явлений в произведении Э. Бронте «Грозовой Перевал».

Цель статьи: проанализировать использованную лексику при описании погодных явлений в романе Э. Бронте «Грозовой Перевал».

Роман Эмили Бронте «Грозовой Перевал» является выдающимся произведением мировой литературы. Мрачные места, окружающие дом писательницы, внесли элементы таинственности в ее произведение. Эмили Бронте в своём творчестве передала весь колорит жизнь современной Англии. Атмосфера романа едва ли отделима от места его действия. События книги разворачиваются в северной Англии. Погодные явления являются предвестниками событий, которым свойственны волнение и тайна, как и главным героям романа. Природа этих мест необычайно разнообразна: хмурые деревья, болота, природные области, высокие горы.

С первых страниц романа, мы видим, как автор восхищается своей страной и сравнивает её с раем для мизантропа:

«This is certainly a beautiful country! In all England, I do not believe that I could have fixed on a situation so completely removed from the stir of society. A perfect misanthropist's heaven» [2, с.1].

Эмили Бронте изначально задаёт общий тон неоднозначности, противоречивости, которая сопровождает нас в течении всего романа. Мы можем это увидеть в противоречие между словами heaven (рай) и misanthropist (человеконенавистник), данные лексические единицы в определенном смысле противоречат друг другу. Описание Грозowego Перевала, встречается в первый раз символично: «Wuthering Heights is the name of Mr. Heathcliff's dwelling. «Wuthering» being a significant provincial adjective, descriptive of the atmospheric tumult to which its station is exposed in stormy weather. Pure, bracing ventilation they must have up there at all times, indeed: one may guess the power of the north wind blowing over the edge, by the excessive slant of a few stunted firs at the end of the house; and by a range of gaunt thorns all stretching their limbs one way, as if craving alms of the sun» [1, с. 2].

Само название поместья содержит метафору. «Wuthering» — определение, которое образовано от слова «wuther» переводится как «дрожать» в качестве глагола, и как «атака» в качестве существительного. «Heights», как существительное означает «возвышенности». Прилагательные «stormy» и «north» указывают на то, что Грозовой Перевал — это хмурое место, где всегда холодно. Сравнение и в то же время олицетворение в предложении «gaunt thorns all stretching their limbs one way, as if craving alms of the sun» говорят, что тут исключительно редко выглядывает солнце. Грозовой Перевал расположен на возвышенности, где окружён малорослыми елями (stunted firs), из-за нехватки солнца деревья, в этой окраине, растут плохо. Так как ель является вечнозелёным растением, которое символизирует вечную жизнь, а шиповник (thorns) выступает как знак загробного мира, то можно сделать предположение, что поместье находится между вечной жизнью и царством мёртвых, склоняясь к последнему, где всегда знобко и сыро.

В описаниях повседневных вещей так же присутствует образ природы. С помощью метафоры автор сравнивает домашний очаг Хитклифа с беспокойством (tempest of worrying and yelping): «Mr. Heathcliff and his man climbed the cellar steps with vexatious phlegm: I don't think they moved one second faster than usual, though the hearth was an absolute tempest of worrying and yelping»; а движение женщины уподобляется морю после сильного ветра (heaving like a sea after a high wind): «Happily, an inhabitant of the kitchen made more despatch: a lusty dame, with tucked-up gown, bare arms, and fire-flushed cheeks, rushed into the midst of us flourishing a frying-pan: and used that weapon, and her tongue, to such purpose, that the storm subsided magically, and she only remained, heaving like a sea after a high wind, when her master entered on the scene»[2, с.5]. Данные примеры свидетельствуют о том, что непогода бушует не только на улице, но и в душах героев. Так природа помогает изобразить физическое и психологическое состояние персонажей.

Вторую главу автор начинает с описания мрачной погоды, повествуя, что на улице морозный ветер и начал падать первый снег. Таким образом, погода снова отражает неприветливость, как Грозowego Перевала, так и его хозяина: «Yesterday afternoon set in misty and cold. I had half a mind to spend it by my study fire, instead of wading through heath and mud to Wuthering Heights <... > I took my hat, and, after a four-miles' walk, arrived at Heathcliff's garden-

gate just in time to escape the first feathery flakes of a snow–shower. On that bleak hill–top the earth was hard with a black frost, and the air made me shiver through every limb. Being unable to remove the chain, I jumped over, and, running up the flagged causeway bordered with straggling gooseberry–bushes, knocked vainly for admittance, till my knuckles tingled and the dogs howled» [2, с. 6].

Прилагательные *misty*, *cold*, *bleak*, *black* создают загадочной и таинственной атмосферы, которая усиливается лексемой *frost*; слова *heath* и *hill–top* подтверждают, особенности данной местности; зимнюю атмосферу создаёт эпитет *feathery*, который употребляется с существительным *flakes* и метафорой *snow–shower*. В манерах поведения героев также присутствует атмосфера холода. Миссис Хитклиф смотрит на собеседника *in a cool, regardless manner*, показывая равнодушное и крайне прохладное отношение к посторонним: «*I stared – she stared also: at any rate, she kept her eyes on me in a cool, regardless manner, exceedingly embarrassing and disagreeable*».

Мистер Локвуд всё время заостряет внимание на плохой погоде (*the wildness of the evening*): «*I hemmed once more, and drew closer to the hearth, repeating my comment on the wildness of the evening*» [2, с. 7]. Метафора *wildness of the evening* наталкивает нас на сравнение этого хмурого вечера с диким зверем, создавая впечатление, будто непогода является нечто живым, непредсказуемым и зловещим.

Округа Грозового Перевала представляют собой холмы (*mounds*) и взгорье (*hill–back*), вересковые пустоши (*moor*). Во время первой встречи Кэтрин и Хитклифа стояла прекрасная летняя погода: «*One fine summer morning – it was the beginning of harvest*», будто это был хороший знак предстоящих событий.

В описании природы: «*Oh, these bleak winds and bitter northern skies...*» [2, с. 78], прилагательные *bleak* и *northern*, а также эпитет *bitter* создают холодную атмосферу места действия, хотя семья Линтонов любит Кэтрин. Их отношение к ней образно сравнивается с репейником: «*They were both very attentive to her comfort, certainly. It was not the thorn bending to the honeysuckles, but the honeysuckles embracing the thorn*» [2, с. 80]. В данном случае Линтоны пытались угодить Кэти.

Эпитеты *rough* и существительное *bank* (взгорье), *hazel* (орешник), а также метафора *breeze–rocked cradle* создают, безмятежную с одной стороны и таинственную с другой, атмосферу Грозового Перевала. Птицы (*birds*), обучающие своих птенцов летать, для младшей Кэти создают образ счастья, напоминающий о матери (*happier than words can express*). Прилагательные *rainy*, *misty* и лексемы *night*, *frost*, *drizzle* создают мрачную атмосферу свойственную Грозовому Перевалу, которая сопровождает нас на протяжении всего романа.

Таким образом, анализ использованной лексики при описании погодных явлений в произведении Эмили Бронте «Грозовой перевал» позволяют нам понять идейный замысел автора, значимость природных явлений в романе. Эпитеты (*rough*, *feathery*, *bitter*), метафоры (*tempest of worrying and yelping*; *breeze–rocked cradle*), прилагательные (*misty*, *cold*, *bleak*, *black*) позволили автору более точно передать чувства, эмоции и душевное состояние главных героев.

Литература

1. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста: учеб. Пособие. — 4-е изд. — М.: Флинта: Наука, 2009. — 520 с.
2. Bronte E. *Wuthering Heights* / E. Bronte. — Moscow: Wordsworth Editions Limited, 2000. — 272 pp.

УДК: 372.881.111.1

Леско Е. С.

студентка 5 курса Гуманитарно-педагогической академии (филиал)
«КФУ им. В. И. Вернадского» в г. Ялте

Научный руководитель: Ратовская С. В.

канд. филол.наук, доцент
Гуманитарно-педагогической академии (филиал)
«КФУ им. В. И. Вернадского» в г. Ялте

ИЗУЧЕНИЕ ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ОСКАРА УАЙЛЬДА

В данной статье автор анализирует использование заимствованной лексики в названиях произведений Оскара Уайльда; выявляет функциональную нагрузку заимствований в творчестве писателя; определяет функцию иностранной лексики для использования в процессе обучения; определяет факторы, которые повлекли использование заимствованной лексики в произведениях Оскара Уайльда.

Ключевые слова: заимствованная лексика, мультилингвальная личность, произведения Оскара Уайльда.

Lesko Y.S.

5-year student, Humanitarian-pedagogical Academy (branch)
"Crimean Federal University V. I. Vernadsky" in Yalta

Scientific adviser: Ratovskaya S.V.

candidate of philological sciences, associate Professor
Humanitarian-pedagogical Academy (branch)
"Crimean Federal University V. I. Vernadsky" in Yalta

THE STUDY OF LOANWORDS IN THE WORKS OF OSCAR WILDE

Abstract. *In this article the author examines the use of loanwords in the titles of works of Oscar Wilde; identifies the functional load of borrowing in the works of the writer, determines the function of a foreign vocabulary to use in the training; identifies factors that caused the use of loanwords in the works of Oscar Wilde.*

Keywords: *Borrowed vocabulary, multilingual personality, Oscar Wilde's works.*

Заимствованная лексика необходима для обогащения лексического состава языка и для обозначения понятий, которым в данном языке еще нет названий. Неправильное использование иноязычных слов могут сделать речь не понятной для восприятия другими. Поэтому изучение заимствованной лексики, ее значения и употребления является актуальной задачей при изучении иностранного языка.

Целью данной статьи является анализ заимствованной лексики в произведениях Оскара Уайльда.

Оскар Фингал О'Флаэрти Уиллс Уайльд — настоящий художник, признанный писатель, необыкновенная личность. Писатель посветил всю свою жизнь искусству, только в нем он видел смысл жизни. Жизнь и творчество Оскара Уайльда была наполнена поисками истины и красоты. Свое виденье он отразил в творчестве. Согласно исследованиям Хескета Пирсона Оскара Уайльда можно назвать мультилингвальной личностью [5]. В детстве он

получил знания французского и немецкого языков. Стоит отметить его великолепное владение древнегреческим. Знания языков повлияли на мировоззрение писателя, расширили его, открыли перед личностью автора разные миры, культуры и виденье, которые помогли ему рассмотреть одно и то же событие или явление с разных сторон открыть новое и воплотить в своем творчестве. По-нашему мнению знания языков повлияли на творчество Оскара Уайльда, сделали его произведения необыкновенными и запоминающимися. Владение иностранными языками повлекло использование автором заимствованной лексики в творчестве. Изучая названия произведений писателя, мы видим, что иностранные слова выполняют определенные функции, которые мы сможем узнать из анализа произведений Оскара Уайльда.

Стихотворение «Requiescat» было написано в память о сестре. Изола умерла от менингита, когда ей было всего 10 лет. Оскар Уайльд отразил трогательные воспоминания об умершей сестре в своем стихотворении. Для названия произведения автор берет латинское слово «requiescat», что в переводе обозначает «да покоится с миром». Писатель использует заимствование с латинского для передачи большей глубины своих переживаний. Ведь «Requiescat» — это название молитвы за упокой умерших, от Латинской фразы покойся с миром (часто в виде аббревиатуры «RIP» или «R.I.P.» пишется на католических и протестантских надгробиях), буквально: "пусть он (или она) начинают покоиться с миром," эта фраза несет в себе значение «отдых и покой».

Стихотворение Оскара Уайльда «Impressions du matin» было опубликовано в 1881 году. Название само по себе означает картину или впечатление от утра и образа жизни Лондона.

Стихотворение начинается с открытого описания холодного и туманного утра в Лондоне, но в конце произведения строчки несут личный характер, которые описывают одинокую женщину в большом городе. Читателям становится понятным, что каждая строчка произведения показывает грустное и холодное утро, потому что именно таким видит его она, неизвестная героиня произведения, через призму своего настроения. Данное произведение было написано под влиянием одного из крупнейших течений в искусстве импрессионизма. Импрессионизм — направление искусства, которое стремится передать именно впечатления от какого-то пейзажа, бытовой сценки, лица. Это направление берет свое начало во Франции, затем распространилось по всему миру. Многие писатели, вдохновившись идеей нового течения в искусстве, создавали свои произведения. Оскар Уайльд один из них. Он отразил идеи импрессионизма не только в самом произведении, но и выборе названия для него. Название «Impression du matin» с французского языка переводится как «Утреннее впечатление», и отражает эпоху искусства времени, в котором жил и творил Автор.

В поэзии Оскара Уайльда можно встретить элементы присущие французским романтикам, черты, которые отличают представителей парнасской школы и символистов. Влияние французского символизма на Оскара Уайльда отразилось в произведении «Symphony in Yellow». Для символизма как течения в искусстве, характерны такие черты: экспериментаторство, новаторство, использование символики, недосказанности, намёков. Этимологический анализ слова показал, что оно пришло в современный французский из латинского. Symphony от современного французского symphonie «музыкальная гармония», которое пришло французский из латинского symphonia «унисон звуков, гармония».

Во время обучения в Оксфорде, Оскар Уайльд посетил Италию. Писатель был сражен культурой и красотой страны и это путешествие оставило след в его творчестве. Свои впечатления от поездки он описывает в стихотворении «Ave Maria Gratia Plena». В переводе с итальянского «Ave Maria Gratia Plena» означает «Радуйся, Мария полная благодати» — это первые слова католической молитвы, которая просит Божью Матерь Иисуса, чтобы молиться за грешных. Использование данного заимствования в полной мере передает атмосферу и духовную культуру Италии в произведении автора.

Сонет «Madonna Mia» — лучший религиозный сонет Оскара Уайльда. Название произведению автор дает на итальянском языке «Madonna Mia». В переводе с итальянского означает «Богородица», дословно «Моя госпожа». Мадонна было еще одним именем Девы Марии, матери Иисуса Христа. Поэт посвящает весь сонет описанию хрупкости и чистоты Девы Марии. Он хвалит и восхищается ею. Вот насколько силен его религиозный пыл. Оскар Уайльд сравнивает свое восхищение Девой Марией, приведя в качестве ссылки на самую известную работу итальянского поэта Данте Алигьери "Божественная комедия"[3]. В поэме видим влияние итальянской культуры. Писатель часто затрагивает религиозную тему, которая была волнующей для него, и свои переживания и чувства он запечатлел в произведениях. Оскар Уайльд — религиозный человек, верующий в Иисуса Христа. Он считал христианство высшей точкой, которую достигло человечество, постигая жизнь [1, стр. 215].

Таким образом, анализ произведений Оскара Уайльда позволил определить следующие факторы, которые повлекли использование заимствований в произведениях. Первый фактор — это влияние тех течений в искусстве, которые отразились на его творчестве. Второй — глубина своих чувств и переживаний от событий и явлений, в которые автор был вовлечен.

Анализ произведений Оскара Уайльда раскрыл функциональную нагрузку заимствованной лексики, которая позволила автору более глубоко передать чувства и эмоции, точно описать период культуры своего времени. При изучении заимствованной лексики мы выявили ее образовательную функцию, которая заключается в расширении и обогащении словарного запаса обучающихся. Изучение заимствований влечет за собой познание истории, культуры, происхождения слов, что делает обучение иностранными языками более эффективным.

Литература

1. Никольский В. В. Религия Оскара Уайльда и современный аскетизм / Христианское чтение. 1906. № 2. С. 204–225.
2. Оскар Уайльд: Стихи [Электронный ресурс] URL: <https://rustih.ru/oskar-uajld/>
3. Madonna Mia by Oscar Wilde Analysis [электронный ресурс] URL: <https://beamingnotes.com/2016/08/29/madonna-mia-oscar-wilde-analysis/>
4. Online Etymology Dictionary [электронный ресурс] URL: – <https://www.etymonline.com/>
5. Pearson H. The Life of Oscar Wilde. L.: Methuen, 1946.

УДК: 372.881.111.1

Пикалова К. С.

студентка 5 курса Гуманитарно-педагогической академии (филиал)
«КФУ им. В. И. Вернадского» в г. Ялте

Научный руководитель: Ратовская С. В.

канд. филол. наук, доцент
Гуманитарно-педагогической академии (филиал)
«КФУ им. В.И. Вернадского» в г. Ялте

ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РОЖДЕСТВЕНСКИХ АНГЛИЙСКИХ ПЕСЕН

В данной статье рассматривается лингвопоэтический анализ рождественских английских песен с целью их использования при обучении английскому языку в младшем школьном возрасте.

Ключевые слова: лингвопоэтический анализ, английские рождественские песни, обучение английскому языку.

Pikalova K.S.

5-year student, Humanitarian-pedagogical Academy (branch)
"Crimean Federal University V. I. Vernadsky" in Yalta

Scientific adviser: Ratovskaya S.V.

candidate of philological sciences, associate Professor
Humanitarian-pedagogical Academy (branch)
"Crimean Federal University V.I. Vernadsky" in Yalta

LINGUOPOETICS ANALYSIS OF ENGLISH CHRISTMAS SONGS

Abstract. *This article discusses linguopoetics analysis of English Christmas songs with a view to their use in the teaching of English in primary school age.*

Keywords: *linguopoetics analysis, English Christmas songs, English language teaching.*

Актуальность исследования. В современном мире вопрос изучения иностранных языков встаёт на новый уровень. Процессы мировой глобализации и интеграции привели к бурному росту межкультурных контактов во всех сферах нашей жизни. Владение иностранными языками является условием успешной адаптации в социальном пространстве, составляет часть профессиональной компетенции учителя иностранного языка. Особенно актуальным является вопрос об обучении иностранным языкам в начальной школе. Успешному изучению иностранного языка младшими школьниками способствует сензитивный период развития речи.

Песни являются развивающим материалом в процессе обучения иностранному языку, побуждают к творчеству, раскрепощают детей. Песни на иностранном языке содержат в себе лексику для изучения и пополнения активного и пассивного словарного запаса, являются продуктом культуры народа, могут использоваться на любом этапе обучения иностранному языку. Каждая песня представляет собой объединение лексического материала от носителей языка с готовыми акцентами и паузами, ритмом. Песня и культура тесно взаимосвязаны, ведь они не только развлекают, но и дают новые впечатления, передают яркие образы окружающего мира, воздействуют на эмоциональную сторону личности ребёнка. Песни, которые могут использоваться для обучения и введения младших школьников в иноязычную среду, должны быть посильными для восприятия.

В рамках статьи проанализируем наиболее популярные английские песни на рождественскую тематику, которые могут использоваться при обучении английскому языку в начальной школе.

Цель статьи: ознакомить читателей с особенностями лингвопоэтического анализа рождественских английских песен.

При лингвопоэтическом анализе рождественских английских песен использовали следующие данные:

1) место произведения в творчестве поэта; 2) освещение жанровых и тематических особенностей текста; 3) определение идеи произведения; 4) эмоциональной тональности; 5) ритмики, стихотворного размера, особенностей рифм; 6) описание художественных приемов и их роли; 7) рассмотрение языковых средств и их соотносительности с образным строем [1, с. 41].

Для анализа подобраны наиболее распространённые рождественские английские песни: «Jingle bells» Джеймса Лорда Пьерпонта, «Jingle Bell Rock» Бобби Хелмса, «Santa Claus Is Coming to Town» Фреда Кутса на слова Хейвена Гиллеспи, английская народная песня «Twelve Days of Christmas», «We wish you a Merry Christmas».

Рождество для жителей Великобритании является одним из главных праздников в году. Празднуется Рождество 25 декабря, так как именно в этот день в 597 году Августин Кеннеберийский прибыл в Кент и поспособствовал тому, что в христианство обратилось много людей.

1. Песня **Jingle bells** была написана Джеймсом Лордом Пьерпонтонтом и зарегистрирована 16 сентября 1858 года под названием One Horse Open Sleigh. Песня впоследствии стала одной из самых известных и узнаваемых музыкальных композиций, исполняемых в канун Рождества и самой известной песней Джеймса Пьерпонта, благодаря такому успеху композитор был занесён в Зал славы композиторов в 1970 году.

В песне Jingle bells отражается весёлое настроение, которое испытывает главный герой, катаясь на санях зимним вечером. Песня Jingle Bells сейчас неразрывно ассоциируется с Рождеством, хотя сама по себе никаких упоминаний о празднике не содержит и как рождественская автором не задумывалась: это просто весёлая зимняя песенка.

Идея произведения — передача эмоций, которые испытывает автор наслаждаясь зимним временем года. Исполнитель описывает свой вечер, своё хорошее настроение, которое не покидает его, несмотря на неудачи, которые с ним происходят:

«Laughing all the way», «Oh what sport to ride and sing», «O what joy it is to ride», «He got into a drifted bank and we — we got upset», «And on my back I fell», «He laughed as there I sprawling lie»

Автор не только рассказывает о своём вечере, он призывает радоваться и петь:

«Go it while you're young

Take the girls tonight

And sing this sleighing song»

Стихотворный размер: разностопный. Применение различных видов рифм в одном произведении разрушает его монотонность и создает присущий только ему характер.

Художественные приёмы, используемые в произведении:

Метафора: «the ground is white» (белая земля), «The making our spirits bright» (на душе становится ярко)

Эпитет: «sleighing song» (санная песня).

Анафора: Jingle bells, jingle bells Jingle all the way!

2. Песня «**Jingle Bell Rock**» Бобби Хелмса, написанная в 1957 году, считается первым в истории рождественским хитом в стиле рок. Благодаря песне «Jingle Bell Rock» имя Бобби Хелмса внесено в Зал славы рокабилли.

В песне «Jingle Bell Rock» описывается празднование Рождества, зимние развлечения и праздничное настроение.

«Dancin' and prancin' in Jingle Bell Square

In the frosty air»

«Jingle bell time is a swell time

To go glidin' in a one-horse sleigh»

Идея произведения — описание развлечений и передача праздничного настроения.

Эмоциональный тон песни — положительный, радостный.

Стихотворный размер — разностопный.

Художественные приёмы, используемые в произведении:

Анафора: «Jingle bell, jingle bell, jingle bell rock

Jingle bells swing and jingle bells ring»

«What a bright time, it's the right time»

Метафора: «bright time» (яркое время)

3. Рождественская песня «**Santa Claus Is Coming to Town**» Фреда Кутса на слова Хейвена Гиллеспи, написана в 1934 году.

В песне «Santa Claus Is Coming to Town» лирический герой рассказывает о планах Санта-Клауса приехать в город. Санта-Клаус наблюдает за всеми детьми и составляет свой список, который он проверит дважды. Рассказчик говорит слушателям не плакать и не дуться, а быть хорошими и поскорей отправить письмо Санта-Клаусу.

Идея песни посвящена знаменитому списку Санта Клауса, в который попадают все послушные дети. Автор советует никому не расстраиваться и ждать праздника:

«You better not cry

You better not pout

I'm telling you why

Santa Claus is coming to town»

Эмоциональная тональность песни — положительная, главный герой делится своим предпраздничным настроением.

Стихотворный размер — разностопный.

Используемый художественный приём — лексический повтор:

«You better watch out

You better not cry

You better not pout»

4. «**Twelve Days of Christmas**» — английская народная рождественская песня, впервые опубликована в 1780 г.

Структура песни является цепевидной (кумулятивной): в каждом куплете (начиная со второго) повторяется набор подарков, описанный в предыдущем, с добавлением нового элемента.

Изначальная идея произведения запоминания катехизиса, в этом случае куропатка символизировала Иисуса, горлицы — Ветхий и Новый заветы и т. д. В настоящее время идея песни — передача праздничного настроения. В песне используется лексический повтор для лёгкости восприятия:

«On the first day of Christmas, my true love gave to me:

A partridge in a pear tree

On the second day of Christmas, my true love gave to me:

Two turtle doves, and a partridge in a pear tree

On the third day of Christmas, my true love gave to me...»

5. Песня «**We wish you a Merry Christmas**» — популярный светский рождественский гимн. Появился в XVI веке в Юго-Западной Англии. Происхождение этого рождественского гимна восходит к английской традиции, где богатые люди общества давали рождественские подарки поющим гимны христославам в Сочельник. Это один из немногих традиционных английских рождественских гимнов, в котором упоминается празднование Нового года. Идея произведения — поздравление с праздником Рождества.

Художественный приём. На котором основана песня — анафора.

«We wish you a merry Christmas
We wish you a merry Christmas
We wish you a merry Christmas
And a Happy New Year»
«Now bring us some Christmas pudding
Now bring us some Christmas pudding
Now bring us some Christmas pudding
And bring some out here»

Таким образом, лингвопоэтический анализ рождественских песен «Jingle bells», «Jingle Bell Rock», «Santa Claus Is Coming to Town», «Twelve Days of Christmas», «We wish you a Merry Christmas» показал, что проанализированные произведения имеют положительный эмоциональный окрас. В них используется такой художественный приём, как анафора — повторение, благодаря которой происходит правильная расстановка смысловых акцентов и усиливается эмоционально-праздничный тон. Произведения содержат в себе информацию о культурных особенностях, характерную тематическую лексику и лексические повторы.

В ходе лингвопоэтического анализа выявлены средства художественной выразительности: анафоры, метафоры, эпитеты. В функционально-целевой стилистической окраске выделено преобладание разговорного компонента. Песни не перегружены художественными приёмами, содержат в себе общеупотребительную лексику, отсутствует сленг. Эти особенности рождественских английских песен делают произведения не сложными для восприятия и изучения младшими школьниками на уроках английского языка.

Литература

1. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста: учеб. Пособие. — 4-е изд. — М.: Флинта: Наука, 2009. — 520 с.
2. Вронская И. В. Методика раннего обучения английскому языку. — Санкт-Петербург: КАРО, 2015. — 336 с.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК: 373

Кондрашов С. В.

Студент 1 курса, направление подготовки «Политология»,
профиль подготовки: «Политические науки и международные отношения»,
Таврическая академия Крымского федерального университета
им. В. И. Вернадского»

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМИКСОВ ДЛЯ ПРОДВИЖЕНИЯ ИНТЕРЕСА К ЧТЕНИЮ В ШКОЛЕ

В статье автор рассматривает возможность внедрение комиксов в структуру образовательной программы по изучению литературных произведений, выделяет положительный эффект от работы с дополнительным визуальным материалом и приводит примеры для анализа.

Ключевые слова: визуальный ряд, комикс, адаптация, школьник, образовательный процесс.

Постановка проблемы. Мировая глобализация растапливает толщу международных барьеров, будь то языковые недопонимания или культурно-информационные. Современная конъюнктура мирового развития наиболее красочно описана термином английского социолога Энтони Гидденса как «джаггернаут», подразумевающий под собой неуправляемый мир движения и сверхбыстрого обновления. И хотя главенствующим ресурсом в мире всё ещё остаётся информация, наиболее развитые государства постепенно изменяют вектор распределения капитала, передвигая его от сферы информационных технологий, к сфере образования, так как информационное поле сегодня почти не имеет границ, а профессиональных кадров для работы с ней недостаточно. Информация без дальнейшего использования во благо человечества — это мёртвый груз. Из этого следует, что лидирующим государством на международной арене, будет то, которое максимально продуктивно научится использовать её в свою пользу. Формирование профессиональных кадров, как мы наблюдаем в течение истории, начинается со школьной скамьи. Разбор структуры современного образовательного процесса не входит в компетенцию исследователя, в данной работе мы коснёмся лишь метода внедрения элемента визуализации, а именно — использование комикса для запоминания и закрепления учебных материалов на уроках литературы.

Изложение основного материала. Вначале работы необходимо дать чёткое определение предмета исследования, а именно — рассказать что такое комикс. Изначально комиксом назывался юмористический рассказ в картинках, но под влиянием изменений в искусстве и самого общества, рисованные истории приобрели оттенки всех жанров, от сатиры до трагедии.

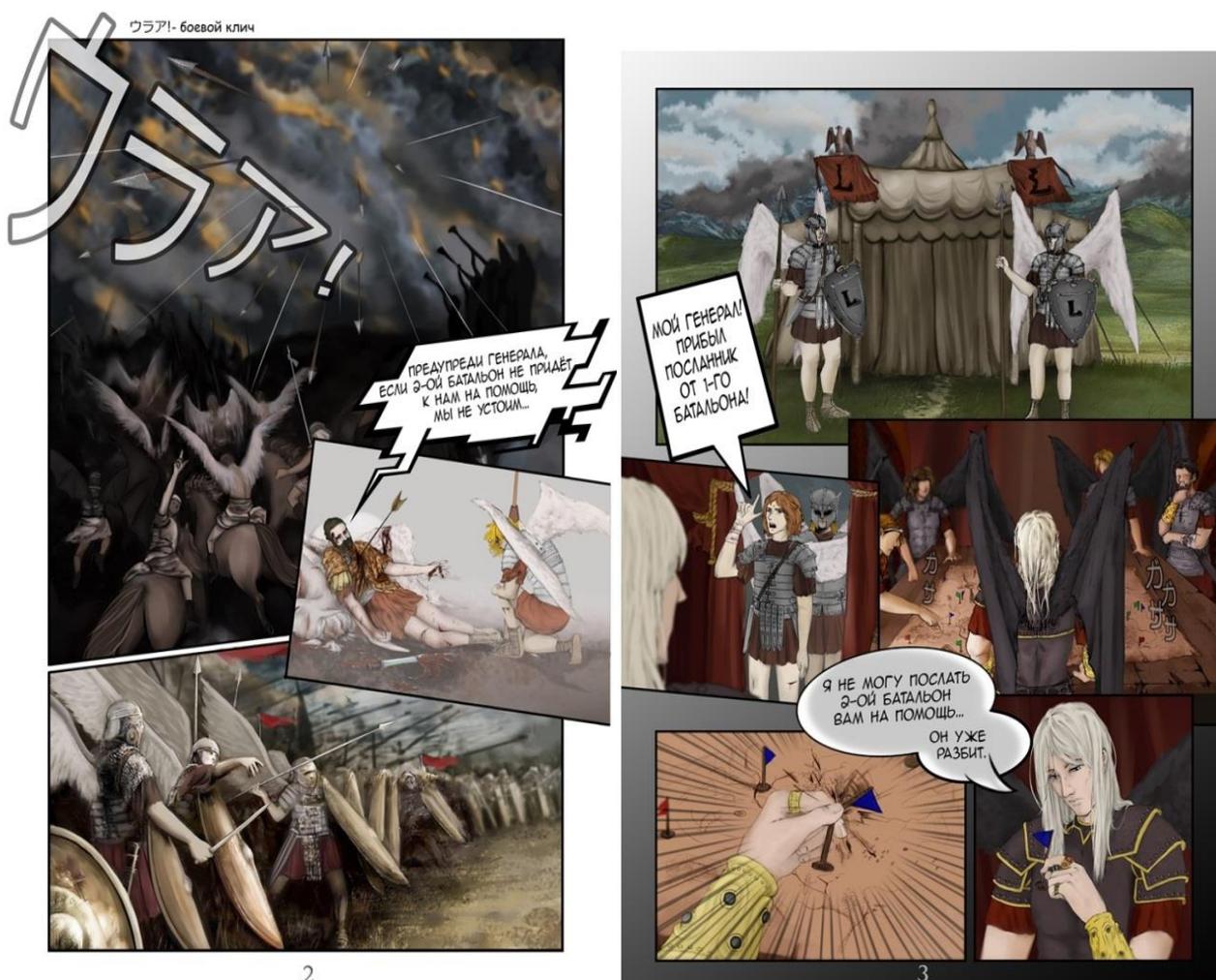
Сегодня дети воспринимают мир только через яркие образы и краткие послания. Лучше всего это явление было охарактеризовано американским социологом и футурологом Элвином Тоффлером как «клиповая культура», или образованный от этого термин «клиповое мышление», который употребил впервые в России российский философ Фёдор Гиренок.

Мышление детей, вследствие развития электронных средств коммуникации, возвращается к мышлению людей дописьменной эпохи. Это означает, что линейная последовательность знаков перестаёт быть базой культуры. Для высокого уровня восприятия необходимо использовать большое количество визуальных элементов. Данная работа не подразумевает освещение всех форм визуализации в образовательном процессе, в задачи

исследования входит доведение до читателя основ методики по внедрению элементов визуализации по средствам комиксов учебного материала по литературе.

За основу исследования были взяты визуальные материалы творческого объединения молодых художников «Face of Matryoshka», руководителем объединения которого является исследователь. Для анализа приводится визуальная адаптация фрагмента эпической поэмы Джона Мильтона «Потерянный рай» и поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон».

В поэме «Потерянный рай» Джон Милтон описывает белым стихом историю первого человека — Адама, что таит в себе множество тонкостей и темных пятен для восприятия молодого поколения читателей. Визуализация и упрощение в виде комикса этого произведения обеспечит любому читателю, в независимости от возраста, качественное восприятие. При использовании иллюстраций можно задействовать бесконечное число красочных визуальных элементов. Для примера, на данном фрагменте можно наблюдать копию доспехов легионеров Римской империи I века до нашей эры, а также боевой порядок построения войска.

Поэма М. Ю. Лермонтова «Демон» также сложна для восприятия юного читателя, так как в ней задействовано множество специфических национальных элементов. Будь то природа, одежда или архитектура жилых домов.

Во второй работе, анализируемой в данном исследовании, хотелось бы акцентировать внимание уважаемого читателя на красочное изображение природы, а также детализацию национальных костюмов горных племён Кавказа. Ученики школ редко обращают внимание на эти элементы при прочтении, художник же может через чёткую структуру комикса и яркие штрихи заинтересовать юного читателя, что в дальнейшем, в свою очередь, оставит

неизгладимый отпечаток в памяти читающего и, возможно, побудит его в дальнейшем не раз обращаться к первоисточнику.

Выводы. Рука художника в сотни раз облегчает восприятие литературных произведений, но для поддержания живого интереса к чтению, а также высокого уровня знаний обучающихся необходимо задействовать многоструктурный симбиоз разных методов. А именно — неотъемлемую работу с первоисточником и дальнейшее закрепление материала на специальных уроках при помощи анализа комикса по данной работе. Это поможет избежать такого нежелательного результата как поверхностное ознакомление с произведениями писателей и поэтов.

Литература

1. Петрова А. С., Макаренко Т. А. Комикс как средство обучения // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. — Т. 32. — С. 119–121.
2. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. — М.: Академический Проект. 2005 — 521 с.
3. Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО "Фирма "Издательство АСТ". — 2004. С. 6–261
4. Калитина К. В. Использование комиксов в образовательных технологиях как важного инструмента для передачи знаний // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2013. — Т. 3. — С. 2256–2260.
5. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. М.: Архитектура-С. 2007 — 392 с.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК: 321.15

Кондрашов С. В.

Студент 1 курса, направление подготовки «Политология»,
профиль подготовки: «Политические науки и международные отношения»,
Таврическая академия Крымского федерального университета
им. В. И. Вернадского»

СРАВНЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ ПЛАТОНА И АРИСТОТЕЛЯ

В данной статье анализируются и сопоставляются политические воззрения двух выдающихся античных философов: Платона и Аристотеля. Автор выводит как схожие элементы политических систем, так и отличительные признаки.

Ключевые слова: философы античности, платоновский идеализм, аристотелевский материализм, политические системы.

Постановка проблемы. Центральное место в истории человечества занимает политика. Термин «политика» имеет огромное множество определений, и так как данное исследование очерчено рамками античного мира, то закономерно привести разъяснение, сформулированное Аристотелем: «политика — это высший труд по построению идеального полиса (государства)». Современная политика приобрела множество форм и разновидностей, но априорным фактом является то, что основа у всех политических реалий едина. Этой основой являются политические теории Платона и Аристотеля. Именно данные «великаны» философской мысли заложили гранитный фундамент политологии как науки и изучение их воззрений способствует пониманию прошлого, а это значит и прогнозирование будущего, что является особо важным вопросом наших дней.

Исследователь данной статьи ставит перед собой такие задачи как доведение основных положений политических систем двух мыслителей античности и посильное, насколько позволяет профессиональная компетенция автора, сопоставление этих теоретических конструкций.

Изложение основного материала. В начале работы необходимо осветить положение о платоновском идеализме и об аристотелевском материализме, так как даже если мы предполагаем поверхностное описание, без доведения этих двух представлений невозможно проанализировать далее излагаемые особенности политических теорий данных философов.

Осевое положение в политической философии Платона занимает вопрос о месте идей в мироздании. По теории мыслителя существуют два определённых мира (две грани целого): один мир — вечный, нематериальный и неизменный по своей структуре. Другой же — материальный и изменчивый мир, который является только отражением мира идей, так сказать, физическая проекция.

В свою очередь, эти положения и являются почвой для существования платоновского полиса (идеального государства), так как истоки общества он видит в группе философов. Для себя мы можем отметить в этом и первое различие политических систем, потому как появление многомудрой группы любителей истины для основания общества справедливости — это системный элемент исключительно платоновской теории.

Аристотелевский материализм, напротив, в теоретическом смысле — тот метафизический реализм, который рассматривает «материю» как конечную основу всей действительности. Иначе говоря, построение полиса (государства) несёт в себе самоцель. Эта идея является отличительной для системы Аристотеля. Из неё следует, что люди, из которых строится государство, — далеко не идеальный строительный материал и их нужно

воспринимать как существ с естественными потребностями и врождёнными недостатками. Как сказал философ: «Человек по своей природе есть существо политическое». В свою очередь Платон видит в определённых людях исключительно божественное сакральное начало и по этим отличительным признакам формирует социальную стратификацию полиса. Вследствие этого социальные страты в политических системах сильно отличаются.

Если у Платона всего три уровня общественной системы: философы, стражи, объединённые в одну группу крестьяне и ремесленники, то у Аристотеля пять слоёв: крестьяне, ремесленники, торговцы, чиновники, военные. Отметим здесь следующее выделяемое нами положение (пункт) различия систем: это отношение к частной собственности. Торговцы платоновской системе не нужны — из-за того, что как таковой частной собственности у него в системе нет; Аристотелю же, с другой стороны, они необходимы, потому что он уделяет особенное внимание частной собственности.

В свою очередь, это положение приводит нас к новой отличительной черте аристотелевской теории, а именно — место семейных уз и самой семьи в обществе. Главным доводом в защиту частной собственности в своём труде «Политика» Аристотель приводит тот факт, что общую собственность по своей природе человек ценит довольно слабо по сравнению с частной. И хотя данное исследование не предполагает отвлечение читателя от античного мира, автор глубоко убеждён, что будет к месту проиллюстрировать аристотелевское положение следующим примером: тяжёлое проведение коллективизации деревни 1928–1937 годов в СССР, а затем быстрый развал коллективных хозяйств при распаде СССР, когда частную собственность вновь закрепили законодательно.

Общей чертой политических систем философов является ещё и то, что главным элементом государства они видят половозрелого мужчину, стремящегося к народному благу и человеческой справедливости.

Человеческие добродетели также занимают в политических конструкциях обоих философов лидирующую позицию, но оттенки добродетелей у них разнятся. Если в конструкции Платона наиболее важна справедливость уравнивательная, то есть все получают социальные блага вне зависимости от количества труда для пользы государства, то у Аристотеля справедливость распределяющая (пропорциональное распределение блага по вкладу в дело строительства полиса). Можно сказать, что аристотелевская система признаёт рациональный человеческий эгоизм: справедливость во благо общего даст благо и каждому, что лучше, чем бороться только за свои блага индивидуально. Платон же отрицает рациональный эгоизм, приводя в своём труде «Государство» аргументы к тому, чтобы сделать труд в полисе максимально рефлекторным. Человек его политической системы не должен глубоко задумываться над его местом в обществе и его личном отношении к труду во благо полиса, — затем что это может дестабилизировать общественную систему через появление свободомыслия.

Завершающим положением хочется привести общий тезис мыслителей о том, что человек рождается добродетельным, но без чёткой системы поддержания природной нравственности, эту функцию должны выполнять его жизнь и работа в полисе. Даже самые высокие благодеяния превращаются в пепел озлобления и жестокости к своему народу.

Заключительное слово. Исследователь максимально лаконично, в меру своей профессиональной компетенции, привёл как общие, так и отличительные пункты политических систем философов античности — Платона и Аристотеля.

Автор надеется, что статья будет познавательной для ознакомления заинтересованному читателю.

Литература

1. Мухаев Р. Т. Политология : учебник. — Москва : Проспект. 2017. — 640 с.
2. Диалоги / Платон ; пер. с др. — греч. В. Н. Карпова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус. 2017. — 448 с.

3. Аристотель. Политика // Серия: Philosophy. М. : АСТ. 2002 г. — 400 с.
4. Чанышев А. А. История политических учений : учеб. — М. : ТК Велби, Изд-во Проспект. 2005. — 592 с.
5. История политических и правовых учений. Академический курс : учебник для бакалавриата и магистратуры / С. А. Рубаник ; отв. ред. В. Е. Рубаник. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательство Юрайт. 2015. — 396 с.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК: 94

Кондрашов С. В.

Студент 1 курса, направление подготовки «Политология»,
профиль подготовки: «Политические науки и международные отношения»,
Таврическая академия Крымского федерального университета
им. В. И. Вернадского»

СРАВНЕНИЕ ЕГИПЕТСКИХ ПОХОДОВ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО И НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА

В статье автор рассматривает и сопоставляет военные походы в Египет двух великих завоевателей, приводя как общие черты военных кампаний, так и характерные отличия.

Ключевые слова: военные походы, завоевание Египта, исторические личности, стратегия и тактика колониальной войны.

Постановка проблемы. Весь двадцатый век был насыщен атмосферой соперничества лидирующих стран, таких как Франция, Германия, Япония, Италия и прочие, в борьбе за колонии. Узурпаторы эксплуатировали порабождённых аборигенов захваченных земель в пользу своего государства, вольномыслящих уничтожали, а лояльных превращали в народную милицию для сдерживания протестов своих же соплеменников. Но откуда пошло поветрие использовать насилие в далёких от родного дома странах во имя блага своей нации? Большую роль в этом вопросе сыграл полумифический герой античного мира Александр Македонский, а генерал французской революции Наполеон Бонапарт возвёл колониальные кампании в государственную доктрину.

Изложение основного материала. Восточные походы двух гениев стратегии и тактики оценивались своими современниками как авантюра, что, на первый взгляд, было рационально справедливо.

Следует сразу заметить, что данное исследование не предполагает под собой детального освещения всего пути похода великих завоевателей, автор будет акцентировать внимание читателей на наиболее важные моменты.

Обе армии не имели достаточной поддержки флотом, а это значит возможность голода, так как поставки фуража осуществлялись водным путём. Сами армии имели высокий уровень дисциплины и военной подготовки. Воины Македонского и солдаты Наполеона принимали победоносное участие в гражданских войнах и в конфликтах за пределами родины, так что в их военном потенциале сомневаться не приходилось, но они никогда до тех пор не воевали в жарком климате Африки, при отсутствии необходимого количества воды и пищи. Также фронт вторжения в другую страну предрекал растянуться на многие тысячи километров, что влечёт за собой разделение армии на части и тем самым ослабление ударных сил, а экспедиционные армии были весьма немногочисленные по своему количеству. Но всё это не остановило завоевателей. Восточный поход Александра начался приблизительно в марте 334 года до нашей эры, а отправная точка похода Наполеона — март 1798 года. Выбор весны, как сезона начала операции, был сделан не вслепую, для африканского континента это наиболее природно умеренное время года, волны Средиземного моря не бушуют, а жара субтропиков ещё не наступила.

Армии были схожи и по численности личного состава.

Диодор Сицилийский приводит состав войск Александра, подтверждённый в целом и другими источниками. Пехота — всего 32 тысячи: 12 тысяч македонян (9 тысяч в македонской фаланге и 3 тысячи в отрядах щитоносцев), 7 тысяч союзников (из греческих

городов), 5 тысяч наёмников (греков), 7 тысяч варваров (фракийцев и иллирийцев), 1 тысяча лучников и агриан (пеонийское племя во Фракии). Конница — всего 1500–1800 македонян (гетайры), 1800 фессалийцев и 600 греков из других областей, 900 фракийцев и пеонийцев. То есть, всего в армии Александра было 5 тысяч кавалерии¹.

В состав экспедиционной армии Наполеона было назначено 24 тысячи человек пехоты при 4 тысячах кавалеристов и 300 лошадей (остальных лошадей предполагалось приобрести в Египте), 16 рот артиллерии, 8 рот сапёров, минёров и рабочих, 4 парковые роты — всего 32 300 человек.

Отличием было то, что кроме основной армии, у Александра в Малой Азии находилось несколько тысяч македонских солдат, которые переправились туда ещё при правлении его отца — Филиппа II Македонского. Таким образом, общее количество войск Александра в начале похода достигало 50 тысяч солдат.

В стратегии покорения Египта командующие имели намерения не только захватить новые земли, но и провести исследование природы и культуры этих территорий, для этих целей в число армии включили немало учёных, историков и языковедов. Благодаря межкультурным отношениям на территории Египта были построены множество городов и военных фортов, такие как Александрия при походе Македонского и цепочка фортов вдоль всей протяжённости Нила при Наполеоне.

Для обоих полководцев было особенно важно завоевать доверие населения будущих колоний, для этого один использовал подкупных глашатаев, а другой — большое количество прокламаций. В речах и листовках война объявлялась освободительной от внешнего ига местное население. Александр выступал против персидского царства, Наполеон — против турецкого владычества. Политика захвата состояла и из использования «мягкой силы»: религиозные манипуляции (Наполеон внушал населению, что он и всё его войско в скором времени примет Ислам), подкуп наместников и вождей сопротивления (Александр подкупил коменданта города Сарды Митрена). В подвластных колониях оставалась видимая формальность самоуправления через местные органы власти, например, при Наполеоне был возвращён персидский коллегияльный совещательный орган «Диван», но реальной власти у населения не было. Наполеон, как и Александр, прикладывал все силы, чтобы дать врагу генеральное сражение и одним ударом добыть победу. Главным ударным ядром их войск была пехота, которую враги сильно недооценивали, так как у народов Востока профессиональная армия была только конная, а пехота укомплектовывалась из низших сословий и почти не обучалось ратному делу. Это заблуждение повлекло за собой сокрушительные поражения. Македонский обессмертил своё имя в битве на реке Граник, в которой потерял 34 человека, а уничтожил 20000 персов, Наполеон же прославил себя в битве при Пирамидах, потеря — 300 солдат, потери противника — 50-тысячное войско.

Многие города сдавались победителям без боя, например, комендант города Сарды Митрен сдал город Александру без сопротивления, а после победы Наполеона в битве у пирамид мусульманское духовенство, сдало Каир миром.

Всюду где ситуация выходила из-под контроля, будь то восстание местного населения против нововведений захватчиков или тяжёлое положение войск во время сражения, везде полководцы использовали силу своего личного авторитета и выступали примером для подчинённых. В захваченные области внедрялась децентрализованное управление. Этим введением исключалась для Египта, приносящего большие доходы, всякая возможность отделиться от страны захватчиков.

Выводы. История колониальных войн переполнена кровопролитием и насилием, вспомним хотя бы зверства немецкой колониальной экспедиции генерала Леттова-Форбека, деятельность которого до сих пор лежит тёмным пятном воспоминаний на африканском

¹ Данное перечисление использовано с электронного архива Википедии,
https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Александр_Македонский???history=0&pfid=1&sample=4&ref=1

континенте. Приведённые же в данной работе полководцы старались культивировать у захваченных народов благородные черты своих наций, что позволило бы в дальнейшем использовать колонии не как область по добыче ресурсов, а как государства-доминионы. Вследствие чего это повлекло бы за собой сильную межкультурную связь, и вчерашние захватчики превратились бы, в глазах захваченного населения, в освободителей.

Литература

1. Наполеон Бонапарт. Египетский поход. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус. 2012. — 432с.
2. История древнего мира.: под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероной, И. С. Свенцицкой. — изд. 2-е, исправл. — Кн. 2: Расцвет древних обществ/ И. С. Свенцицкая [и др.]. — М.: Наука. 1983. — 574 с.
3. Наполеон Бонапарт. Максимумы и мысли узника Святой Елены / Пер. с фр. С. Искюля. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус. 2012. — 224 с.
4. Кривушин, И. Александр Македонский / И. Кривушин // История [Электронный ресурс]. — 2009. — Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/istoria/ALEKSANDR_VELIKI_MAKEDONSKI.html.
5. Диодор. Историческая библиотека // Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. С приложением сочинений Диодора, Юстина, Плутарха об Александре. М., 1993. — 279 с.

АВТОРАМ – ИНФОРМАЦИЯ О ПУБЛИКАЦИИ

Приглашаем Вас опубликовать свои статьи в рецензируемом электронном периодическом издании для ученых, докторантов, аспирантов, преподавателей, специалистов, магистрантов и студентов «Мир народов. Серия: Наука и практика».

Журнал имеет международный номер сериального издания ISSN 2522-9494. Статьи журнала индексируются в Гугл Академии (GoogleScholar) и размещаются в Научной электронной библиотеке **elibrary.ru**, номер договора 358-09/2017 от 06.09.2017. Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре, номер свидетельства ЭЛ № ФС 77 — 66126 от 20.06.2016 (СМИ — «сетевое издание»).

Ссылка на профиль в Elibrary: <https://elibrary.ru/contents.asp?titleid=64810>

Ссылка на индексацию в Google Scholar:

https://scholar.google.ru/scholar?hl=ru&as_sdt=0%2C5&q=%22Мир+народов+серия+наука+и+п+практика%22&btnG=

Доступ к статьям — открытый полнотекстовый, что способствует более широкому распространению результатов исследований среди научной общественности. Благодаря тому, что журнал — сетевой, статьи размещаются на сайте без временных ограничений, связанных с периодичностью номеров. Обратите внимание: только в сетевом издании с **момента размещения на сайте** статья считается опубликованной и может быть указана в перечне публикаций или цитироваться.

После размещения на сайте статьи ее можно указывать в списке трудов, в квалификационной выпускной работе, использовать для получения повышенной стипендии, для получения лучшей оценки на экзамене.

<http://mirnarodov.ru/art/2017/10/Ivanov-spravka.jpg>

Сроки публикации составляют **5 рабочих дней** после принятия к публикации и получения оплаты. Сроки приема и выхода статей — **постоянно и без ограничений**, раз в 1-2 месяца формируется номер.

При поступлении от 10 статей может быть сформирован специальный выпуск.

Стоимость публикации — **550 рублей за статью** до 10 страниц. Электронные справки всем авторам предоставляются **бесплатно**.

Статья может быть опубликована в течение 24 часов. Возможность опубликования нужно уточнить по телефону, указанному ниже.

В журнале отдельным томом могут быть опубликованы материалы конференций, семинаров, симпозиумов, круглых столов и спецвыпуски.

Все поступающие материалы перед рецензированием проверяются программами антиплагиата.

Статьи и заявки направляются в редакцию по адресу **nauka@mirnarodov.ru**

Файл заявки — <http://mirnarodov.ru/art/2017/10/Zayavka-MN.doc>

Образец оформления статьи — <http://mirnarodov.ru/art/2017/10/Obrazets.doc>

Статьи принимаются по следующим специальностям:

01.00.00 Физико-математические науки	12.00.00 Юридические науки
02.00.00 Химические науки	13.00.00 Педагогические науки
03.00.00 Биологические науки	14.00.00 Медицинские науки
05.00.00 Технические науки	17.00.00 Искусствоведение
06.00.00 Сельскохозяйственные науки	19.00.00 Психологические науки
07.00.00 Исторические науки и археология	22.00.00 Социологические науки
08.00.00 Экономические науки	23.00.00 Политология
09.00.00 Философские науки	24.00.00 Культурология
10.00.00 Филологические науки	25.00.00 Науки о земле

Главный редактор журнала — Борис Владимирович Космач, директор РОО «Чистый Крым». Телефон: +7 (978) 098-64-30, +7 (978) 949-54-69, email: b.kosmach@yandex.ru

Правила оформления

Материалы направляются в формате Word или Open Office, размер бумаги — А4, поля — 2 см со всех сторон, шрифт основного текста — 14. Статьи должны иметь:

- номер УДК;
- ФИО автора, его место работы или учебы;
- название статьи;
- аннотацию;
- ключевые слова;
- основной текст;
- список литературы.

Автор может указать (по желанию) сведения о финансовой поддержке своего исследования.

Количество источников литературы — не менее пяти. Список литературы оформляется согласно ГОСТ Р 7.1-2003.
